

Эмилио Карбальдо



[133]

Ил 9/2021

В тот день, когда сбежали львы

Фарс в трех действиях

Перевод с испанского и вступление Алексея Гришина

Мастер

Двадцатилетняя, никому (ну, почти никому) не известная Сабина Берман¹, чтобы занять место, указанное в железнодорожном билете, должна была пройти через вагон-ресторан и, заметив среди посетителей Карбальдо, поздоровалась с ним на равных, и даже “с вызовом”.

— Привет, Карбальдо! Ты выглядишь как на фотографиях с контритулов из своих книжек. Серьезно!

— Привет, Берман! Присаживайся. Я напечатаю тебя, в антологии. Мне передали несколько твоих вещей. А как же нехорошо выглядят грешницы!

Сказав это, он посмотрел на нее хитрющими глазами и прищурился, чтобы смутить и чтобы почувствовала, кто, черт возьми, она рядом с Мастером. Будущая знаменитость тем не менее и не подумала смущаться.

© Fondo de Cultura Económica, 2003

© Алексей Гришин. Перевод, вступление, 2021

1. Сабина Берман (р. 1955) — драматург; режиссер театра и кино; журналист, ведет авторскую программу на мексиканском телевидении. Ее роман “Женщина, нырнувшая в самое сердце мира” стал бестселлером. По ее сценариям сняты фильмы Альфонсо Куарона и Алехандро Гонсалеса Иньярриту. Воспоминания об Эмилио Карбальдо напечатаны в “Эксельсьор” и в журнале “Грамоа” (Грамоа, Abril/Junio, № 95, 2008).

— Карбальидо, а когда ты отпустишь мне мой грех? Через несколько минут или через несколько дней? Когда ты меня простишь за то, что я ученица Аргуэльеса?

На это Карбальидо просто рассмеялся. Ни для кого не было секретом, что с Уго Аргуэльесом¹ он соперничал с молодости. Все “красные линии” были сняты. Она стала расхваливать его “Розу с двойным ароматом”, которую успела посмотреть дважды, хотя пьесу только что поставили. Потом задала важный для себя вопрос: что он делает с текстом, как у него получается, что зритель смеется, а через секунду переживает, опасаясь как бы не случилось чего-нибудь плохого с вымышленным персонажем, и, еще через секунду, — снова смеется. И так без передышки до самого финала...

Карбальидо заказал две текилы с вустерским соусом. Этот коктейль назывался “Нефтью”. Под “Нефть” они проговорили до самого Монтеррея, куда, как оказалось, и он и она ехали на один и тот же театральный фестиваль. Обсудили множество разных тем. Поезда ходили тогда медленней. Добравшись до гостиницы, расстались: она, после семи порций “Нефти”, отправилась в постель, Карбальидо — на прогон фестивального спектакля.

Встретились на следующий день — на банкете, устроенном в вестибюле шикарного отеля. Мастер, как и в поезде, сидел в одиночестве и снова пригласил ее за свой столик. Рядом, как будто вырвавшись из голодного края, шумная компания критиков и театральных деятелей до изнеможения объедалась и обпивалась на казенный счет. Глядя на них и как бы возвращаясь к ее вопросу, как надо работать с текстом, он дал ей совет.

— Смотри. Смотри внимательно. Бери на карандаш. Пишущий и то, о чем он пишет, неразрывны; никогда не разрывай этой связи, — наклонившись к самому уху, тихо добавил: — Те, что привыкли закусывать лангустами за счет казны, превращаются в дворню.

Эта проблема ее не интересовала. Но таким был первый урок, взятый у Карбальидо, и она его запомнила.

Через три года дружба, завязавшаяся между ними, подверглась испытанию, когда талантливый театральный режиссер, уже заявивший о себе (в том числе склонностью к эксперименту), разыскал Мастера, чтобы сообщить ему, что Национальный институт изящных искусств принял решение поставить “В тот день, когда сбежали львы”. По мнению режиссера, пьесу выбрали только потому, что автор с именем. Сработало имя, а весь пороховой заряд, заложенный в пьесу изначально, давным-давно выветрился.

— Ну, и как быть? — спросил Карбальидо. Пьеса действительно была написана им давно.

— Приходи на репетицию. Один начинающий драматург переделал концовку. Посмотришь, что получилось.

1. Уго Аргуэльес (1932–2003) — драматург, киносценарист, театральный режиссер, педагог.

Карбальдо пришел. Войдя в зрительный зал и увидев Сабину Берман, приветливо помахал рукой. В горле у нее пересохло. “Начинающим драматургом” была она. Софиты вспыхнули, осветив сцену, на которой стоял... Карбальдо! Те же самые, что и у находившегося в зале, широкие брюки, рубашка из джинсовой ткани, вельветовый пиджак, растрепанные волосы...

Минут пять настоящий Карбальдо с удивлением рассматривал своего двойника, потом улыбнулся. В финале двойник упал в парке Чапультепек, изрешеченный пулями полицейских.

— Супер! — так, одним словом, Мастер оценил увиденное.

Страхи Сабины Берман оказались напрасными. Он не страдал болезнью с красивым названием “сальеризм”. Более того, считал, что любое произведение, написанное для театра, — “открытая система”, допускающая развитие. Здесь сразу нужно сказать и о “пороховом заряде”. Мне не составило большого труда найти фотографии, свидетельствующие, что выпускники одного из театральных училищ Мексики выбрали пьесу “В тот день, когда сбежали львы” для своего дипломного спектакля, показанного в 2013 году. Значит, пороховой заряд никуда не делся. Пьеса востребована.

Мастера не стало в 2008 году. На его смерть откликнулись очень разные люди. Очередной номер основанного им театрального журнала “Трамвай” (“Подмостки”) целиком состоял из этих откликов. Кто-то сосредоточился на его творчестве, а кто-то вспомнил о нем, как о человеке. Хуан Вийоро¹ вспомнил, как впервые пришел к нему в гости. Карбальдо сначала накормил его, потом показал дом; поднялись в кабинет. По соседству жил Висенте Леньеро, тоже очень достойный драматург. “Висенте, — пояснил Карбальдо, показав на окна соседа, — работает не покладая рук. Я не уйду отсюда, пока там не погасят свет. Поэтому и написал так много...”

Он ушел очень по-своему. Его не видно ни в зрительном зале, ни на сцене, но в воздухе витает его улыбка. — Так закончил свое эссе Хуан Вийоро.

Мастер любил античность. Как знать, может быть, эта улыбка принадлежала когда-то Аристофану?

В “Медузе” Карбальдо оставил персонажам легендарные имена: Персей, Андромеда, Полидект... Они живут в логике мифа. Какими бы ни были их действия (вольные и невольные), свершается судьба, и даже олимпийские боги не могут ее изменить. Персей — полубог. Он рожден от смертной Данаи и Зевса, оплодотворившего ее золотым дождем. Даная — дочь Акрисия, царя Аргоса, которому оракул предсказал, что он будет убит внуком. Естественно, предпринимаются все меры, чтобы внук не появился на свет. Но что может смертный против Зевса? Ребенок родился. Акрисий сбросил Даная вместе с младенцем в море в заколоченном ящике, а волны вынесли их на берег в царстве Полидекта на острове Сериф...

1. Хуан Вийоро (р. 1956) — мексиканский писатель с мировым именем; в “ИЛ” опубликован его рассказ “Койот” в переводе Надежды Мечтаевой (2019, № 6).

Всё как у греков. Так и должно быть. Сюжет изменить нельзя, поскольку миф — это не литературная игра, а сама жизнь, подлинная чудесная реальность. Но, обрастая новыми подробностями, в том числе вполне “аутентичными”, позаимствованными из других мифов, повествование незаметно становится авторским. Героический миф, став поводом, чтобы поразмышлять о богах и героях, заставляет переосмыслить мифологию, определяющую сознание и бытие современного Человека. Сложно? Да, требует интеллектуальных усилий. Тем не менее окупается. Рамка классического мифа делает нас более дальновзоркими, позволяет *дойти до самой сути... до оснований, до корней, до сердцевины.*

“Медуза” в творчестве Карбальдо стоит особняком¹. Но в “Часовщике из Кордовы” Судьба тоже играет человеком. А в “Ориноко” две актрисы (Мина и Фифи), плывущие на полугрузовом потрепанном речном пароходике, вдруг обнаруживают, что кроме них на судне никого нет. Судном никто не управляет. На вопрос “что делать”, Мина предлагает кричать, звать на помощь... Но судоходство на реке слабое, берегов почти не видно. Получается, что выхода нет, остается лишь потонуть. Фифи не согласна.

— Как это выхода нет? Какая чертова премудрость нужна, чтобы повернуть старое ржавое корыто? То, что делал этот недоумок рулевой, могу взять на себя я. В одну сторону так, в другую — так... и готово. Трудней управлять автомобилем.

— Но ты не умеешь управлять автомобилем.

— Потому и не умею, что трудней. А крутануть штурвал, что в этом такого? Все получится. Увидишь².

Штурвал здесь — колесо Фортуны. Фортуна — одно из имен капризной, непредсказуемой Судьбы...

Говорят, что дьявол — в подробностях, в мелочах. Знал ли он это идиоматическое выражение? В любом случае мелочей для него не существует. В спектакле по пьесе “В тот день, когда сбежали львы” обыгрывается дерево, на которое актер должен взбираться пулей, и Карбальдо не только специально напоминает об этом в ремарке, но и советует спрятать за деревом удобную лестницу. В том же спектакле — в сцене на озере — полицейские передвигаются на лодках. Он сам придумывает, как это сделать технически, и просит не забыть, что от этой бутафории актерам придется избавляться, когда лодки будут “тонуть” и переворачиваться. В “Ориноко” предусматривает запасную реплику на тот случай, если режиссер не найдет актрису с фигурой, соответствующей задумке драматурга. В “Фотогра-

1. Ни на одну другую пьесу Эмилио Карбальдо не затратил столько времени. Она датирована таким образом: 1948–1958. И это притом, что обычно работал он на удивление быстро.

2. Эмилио Карбальдо. Ориноко. — “ИЛ”, 2019, № 6, с. 171.

фии на пляже” у него особое требование к одежде, которая должна быть по моде разных лет, включая, разумеется, и “последний писк”. А однажды он появился на репетиции с хронографом, чтобы точно измерить длительность пауз между репликами...

Карбальдо — универсальный писатель, так же как и его персонажи. Обладая мощнейшим воображением, он не нуждался в громких “измах” и литературных манифестах. Ему казалось, что если пишешь искренне, то все остальное само встанет на место. Он не считал, что художник должен программно нацеливать себя на обличение социальной несправедливости, быть ангажированным. Ему принадлежат слова о том, что правду нужно доносить, не изменяя чувству прекрасного, не срываясь в дидактику. Это — в теории. А в жизни всегда занимал предельно честную гражданскую позицию. Поэтому “политический театр” у него проступает крупным планом не только в таких пьесах, как “Короткий день ярости” или “Акапулько по понедельникам”.

Пьесе “В тот день, когда сбежали львы” он назвал фарсом. Но в художественную форму заявленного буффонадного (несерьезного) жанра встроена публицистика.

Вот такой он, Карбальдо! Мастер неисправимо ироничен и в то же время — всегда серьезен.

Посвящается РОСАРИО КАСТЕЛЬЯНОС

Действующие лица

ТЕТЯ

СОСЕДКА

АНА

ПЛОХО ОДЕТЫЙ МУЖЧИНА

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВОЕНИЗИРОВАННОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

ДЕВУШКА

ГОДИНЕС

ЛОПЕС ВЕЛЕС ХЭРАРДО

и еще 10 или 20 детей

ОБЕЗЬЯНЫ (две)

МЕДВЕДИ (два)

ЛЬВЫ (два)

СЕНЬОРА

ПОЛИЦЕЙСКИЕ

ПРОХОЖИЕ

ФОТОРЕПОРТЕРЫ

ЛЕЙТЕНАНТ ПОЛИЦИИ

СЫНОВЬЯ СЕНЬОРЫ